

Вячеслав Владимирович Шалыгин

Навигаторы

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2469905
Навигаторы: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52590-4

Аннотация

Москва. Декабрь 2012 года. Оперативники ФСБ во главе с майором Гуськовым преследуют потенциально опасного преступника, но подозреваемый словно растворяется в воздухе. А чуть позже та же опергруппа пытается надеть наручники на директора фирмы в его собственном кабинете, но и на этот раз чекисты терпят неудачу. Очередной подозреваемый странным образом исчезает из офиса. Что происходит? Мистика? Но ведь и с природой творится что-то неладное: над Москвой переливается северное сияние, дрожит земля, а ветер превращается в ураган. СМИ полны информацией о близком конце света. И это похоже на правду, но есть один нюанс: конец света наступит только для Старого мира. А мир Новый, точная копия нашего, останется в полной безопасности. Во всяком случае, так считают навигаторы. И нет оснований им не верить, поскольку эти люди способны переходить из одного мира в другой. Но разве ФСБ может допустить, чтобы кто-то бесконтрольно шастал между реальностями? Пусть и с благородной целью спасения человечества от Апокалипсиса. И майор Гуськов лезет из кожи вон, чтобы пресечь преступную деятельность Водолея, лидера навигаторов, который еще вчера был рядовым столичным бизнесменом Владимиром Водорезовым.

Вячеслав Шалыгин

Навигаторы

Москва, 20 декабря 2012 года

Декабрь хороший месяц. Холодный, нервный, суетливый, но хороший. Ведь это единственный месяц в году, который гарантированно закончится праздником. И даже если жизненная ситуация, заботы или слабое здоровье не позволят отметить праздник так, как хочется, его атмосфера настигнет, расслабит и даст хоть какую-то надежду на лучшее. Так было, есть и будет вне зависимости от погоды, власти или количества проблем. Новый год все-таки. Новое счастье, новые планы и надежды. Остается одно – дожить. Это единственное условие. Жаль, выполнить его удается далеко не всем.

Майор Гуськов вновь поймал в перекрестье прицела затылок беглеца. Шапку – смешную заячью ушанку образца восьмидесятых годов прошлого века – беглец давно потерял, но это его вряд ли волновало. Он и без шапки явно не мерз. Над взмокшей лысиной мужчины курился парок, а воротник серого пуховика потемнел от пота. Беглец едва волочил ноги от усталости, но не останавливался. Он пробирался сквозь толпу спящих от магазина к магазину граждан, демонстрируя неплохую тактическую подготовку. Шел зигзагом, прятался за прохожими, то и дело пригибался или нырял под козырьки многочисленных торговых палаток.

Знал ли беглец, что преследователи совсем близко? Скорее всего, знал. Хотя не факт. Все эти якобы грамотные зигзаги в толпе могли быть следствием усталости. Возможно, идти напролом мужчине просто не хватало сил. Но Гуськов привык исходить из самого сложного варианта, поэтому заранее приклеил беглецу ярлык «Бывалый». Не потому, что мужчина напоминал персонажа из гайдаевского фильма – не те габариты. Просто майор Гуськов так называл людей, способных не только обнаружить слежку, но и грамотно стряхнуть ее с хвоста. Будь в тылу у Бывалого лишь два-три сотрудника оперативно-поискового отдела, а проще говоря – наружки, так оно и получилось бы еще час назад, перед тем, как беглец спустился в метро, но мужчину вели сразу три группы, поэтому шансов у него было мало. Точнее, не было совсем.

Когда Бывалый выбрался из метро и нырнул в толпу, текущую к трамвайной остановке, ему на хвост сели сразу шесть сотрудников, по двое из каждой группы. Поэтому все зигзаги клиента не принесли никакого результата. Беглеца вели почти под белы ручки и не брали только потому, что не поступал приказ от начальства.

Рядовой вроде бы операцией командовал лично генерал Мазич, большая шишка из Центрального аппарата ФСБ, новый освобожденный заместитель Директора.

Не хухры-мухры, а ого-го! Таких освобожденных замов у Директора раньше было только два. Теперь вот появился третий. Непонятно, откуда он появился (ходили слухи, что его перевели с Чукотки) и зачем он понадобился Директору, но это уже вопросы из другого задачника. Хотя имелся еще один момент. Несмотря на звание и должность, за глаза генерала называли Мазаем, не столько по созвучию с фамилией, сколько из-за внешнего сходства с певцом Сергеем Мазаевым. И называть его так не боялись даже непосредственные подчиненные. Видимо, генерал пытался выглядеть демократичным и близким к простому офицерству. Даже позывной (наверняка сам придумал такой финт) имел, видимо намекая на славное оперативное прошлое. Дескать, это сейчас он штаны протирает на Лубянке, а раньше мерз в окопах невидимого фронта, как все, по-честному.

И вот этот боевой вроде бы генерал, да еще с такими широкими полномочиями и такой внушительной внешностью, почему-то никак не решался отдать приказ. Мялся, как первокурсница на свидании.

Хотя вряд ли дело было в нерешительности генерала. У Мазая, скорее всего, имелись свои резоны. Какие? В такие тайны начальство из Центрального аппарата не посвящало даже начальство Гуськова, а уж какого-то майора из оперативно-поискового отдела Управления ФСБ по Москве и недавно. Да майор и не интересовался. Наружка есть наружка, дело телячье. Проводил клиента, передал дальше, и все дела. В этот раз группу Гуськова, правда, усилили, наделили особыми полномочиями и даже снайпера пристегнули, но сути это не меняло. Операцию проводили люди из Центрального аппарата, им и карты в руки. А тем, кто на подхвате или ведет клиента, подробности неинтересны. Меньше знаешь – крепче спишь.

Гуськов вернул оружие недовольному снайперу и включил гарнитуру. Пора было менять сопровождение. Снайпер принял оружие молча, но все-таки выразил еще разок свое недовольство. Правда, без слов, только громким фырканьем. Снайпер был прав, нехорошо отнимать у человека ложку во время еды, да и не положено. Кто бы спорил? Будь снайпер повзрослее и поопытнее, он без зазрения совести послал бы майора куда подальше. Но этот салага только побагровел, набычился и отдал-таки «Винторез», когда Гуськову вдруг захотелось изучить оперативную обстановку вооруженным глазом.

Вернув винтовку владельцу, Гуськов негромко отдал пару коротких распоряжений, убрал палец с гарнитуры и достал из кармана «Никон», бинокль с десятикратным увеличением прозрачайшей оптики и целым набором всяких цифровых примочек. По сравнению с ним прицел «Винтореза» был, как... да никак не был. Какие уж тут сравнения.

Увидев, что за чудо техники майор держит в руке и осознав, что его, мягко говоря, поймали, снайпер фыркнул и вовсе неприлично громко. Правда, уловив гневный взгляд капитана Стрельцова, помощника майора Гуськова, снайпер притих. Наверное, осознал, что салага и лох, а потому заслужил эту профилактическую вздрючку. И вообще, уж лучше пусть свои воспитывают, чем проверяющие из Центрального аппарата.

«Еще спасибо скажет, сопляк, – подумалось Гуськову. – Куда это наш клиент намылился? Явно не в спальный район спешит. Тогда куда? Дальше ведь склады и всякие конторы, толпой не прикроешься, почти безлюдно там. Надеется в лабиринтах затеряться? Тогда он не Бывалый, а так, мелкая сошка. А то и вовсе лошара вроде нашего снайпера».

– Объект в складской зоне, – протрещало в гарнитуру. – Направляется к пункту утилизации.

– Готовность, – приказал сочный голос с колоритной хрипотцой. – Гуськов, позиция у ворот пункта утилизации справа. Расчетное время прибытия десять минут. Ждать указаний.

– Мазай и есть, – отключив микрофон, буркнул Гуськов. – Даже голос похож. Так и кажется, что сейчас споет: «Первый луч, первый дождь, по весеннему Арбату ты иде-ешь...»

– Да вы меломан, Алексей Борисович, – проронил Стрельцов.

– Как все, после пятой. – Майор хлопнул по плечу водителя фордовского микроавтобуса с тонированными стеклами. – Поехали, Геша.

– Блин, только прикемарил. – Водитель сдержал зевок и бросил скептический взгляд в боковое зеркало. – Без мигалки, блин, не вырулишь.

Опасения оказались напрасными. Вырулил и вклинился в поток он вполне успешно. Удивительное дело, но особо плотного движения сегодня на улицах Первопрестольной не наблюдалось. Это еще с утра заметил сам Геша, но поворчать ему никогда было не лень. Вот только свернуть там, где требовалось, у него не получилось, не пропустили братья-автомобилисты, хоть и было их на дороге немного и пропустить проспавшего перестроение брата по рулю им ничего не стоило. Пришлось сворачивать дальше и колесить по тесным закоулкам между складами, возвращаясь на квартал, а затем еще и объезжать раскорячившуюся почти поперек дороги красную фуру с толстошеким Санта-Клаусом на тенте.

Геша высказал все, что думает о водителях-любителях, которые сначала не пропускают, а затем садятся за руль длинномера, после затронул тему сексуальной ориентации всех,

кто разгружает фуру и даже добрался до оленей, на которых Санта примчался рекламировать свой любимый напиток, но быстрее от всего этого «Форд» не поехал.

Короче, группа Гуськова опоздала. И не на какие-нибудь секунды, а на то самое расчетное время прибытия. То есть «перекрыла норматив» вдвое, только в обратную сторону. Гуськов представил, что ему скажет начальство, и невесело усмехнулся. Нервный месяц декабрь. Ой, нервный.

Начальство, как ни странно, ничего не сказало. Хотя, вообще-то, ничего странного в этом и не было. Во-первых, будь у начальства что сказать, оно сделало бы это по рации, а во-вторых, опоздала группа лишь формально. Фактически Гуськов со товарищи прибыли очень даже вовремя. Как только двое выскочивших из «Форда» ребят скрылись в конторке справа от ворот пункта утилизации автохлама, мимо фургончика протопал взмыленный беглец. Минутой позже шедшие за беглецом парни забрались в «Форд», а Бывалого взяли под контроль те, кто затаился в конторке.

– Вот устроили нам праздник! – проворчал один из оперативников, старший лейтенант Локтев. – Спасибо начальству! Термобелье это... хрень собачья, а не нанотехнологии. Заибунел весь!

– Черкизон сколько лет как закрыли, – хмыкнув, прокомментировал напарник Локтева, лейтенант Трощинский. – И где ты только достаешь эти вьетнамские подделки... под Китай?

– Где все достают, там и я.

– А с хрена ли ты решил, что это нанотехнологии? На этикетке, что ли, написано?

– Ну-у... продавец сказал. Нанотехнологии космические, а он оптовик, поэтому по реальным ценам. Я и повелся. А что, я со своей нанозарплатой в «Эко» или в «Ральф» должен был идти?

– Это обувь. Одежда фирменная – это, например, «Люхта» или «Коламбия».

– Один хрен. Я в них все равно не разбираюсь. У меня и обувь, и одежда от Бай Син Мина или еще от какого-нибудь Ли Си Цина. И нормально. Цена, качество, технологии... все на месте... целый месяц. Как раз до следующей полочки.

– Это верно, какая зарплата, такие на нее и технологии купишь, – Трощинский усмехнулся. – Стрелец, кофе есть?

– Там термос, – Стрельцов махнул рукой, указывая на багажный отсек.

– Налей, а?

– Стюардессу нашел?

– Руки замерзли.

– Меня подначил, а у самого перчатки тоже черкизоновские? – уцепился Локтев.

– Тишина, – негромко приказал Гуськов и прислушался к ценным указаниям, которые начальство раздавало командирам групп посредством радиосвязи. Когда сеанс закончился, Гуськов деловито извлек из кобуры пистолет, загнал патрон в ствол, поставил на предохранитель и переложил оружие в карман куртки. – Геша, на месте, будь готов к подхвату. Снайпер, готовность, держи ворота. Остальные к машине, в темпе, за мной!

– Погрелись, бля, – проскрипел Локтев.

Стрельцов и второй «топтун» обошлись без комментариев.

Очутившись на свежем воздухе, Гуськов первым делом застегнул до ворота молнию куртки. Прошлогоднюю историю с воспалением легких он помнил во всех подробностях. Все прошло, слава богу, без осложнений. Повалялся две недельки в госпитале, потом еще недельку пофилонил на больничном – и все дела, но повторять этот подвиг Гуськову не хотелось. И не потому, что здоровья жалко. Очень уж скучно это – болеть. Да и жалко тоже.

«Будь попроворнее, давно в теплом кабинете сидел бы, вон как Жданыч или Самсонов. Но вот ведь непруха, как в поле воевать – вы, Алексей Борисыч, лучший, кто ж кроме вас?

А как бумажки переключать – не ваш формат, майор Гуськов. Ну не упыри? А хотя... да и хрен с ними!»

Гуськов осмотрелся, подал знак ребятам и вразвалочку направился к свежеекрашенным сдвижным воротам, на которых была аккуратно выведена надпись «Пункт утилизации автотранспорта». Справа от ворот, между ними и дверью проходной, висела качественная табличка с такой же надписью и дополнительной информацией о форме собственности и часах работы пункта. Все честь по чести.

Майор впервые видел такое предприятие, поэтому у него даже возник посторонний интерес: что за чудо? Они и раньше процветали, всякие «авторазборы» и пункты приема металла, но чтобы вот так, культурно и официально, без опаски, что тебя уличат в скупке краденого... новинка. Неужели госпрограмма утилизации автохлама оказалась настолько успешной? Но ведь она закончилась. Поговаривают, что ее возобновят, но пока это лишь разговоры. Или народ стал настолько сознательным и зажиточным, что теперь на этом бизнесе можно заработать и без государственной поддержки? По эту сторону ворот найти ответы на все вопросы представлялось нереальным.

Майор прошел через карусель проходной – тоже, между прочим, аккуратной, чистой и даже уютной – кивнул улыбчивой и хорошо одетой дамочке-администратору (а не какой-то там вахтерше в телогрейке) и толкнул дверь во внутренний дворик пункта.

Внутренний дворик оказался просторным и до противного чистым. Более того, он был заасфальтирован, и на асфальте была нанесена разметка с понятными знаками и короткими надписями. «Зона приемки», «мойка» (и стрелка направо), «техническая стоянка». Чудеса, да и только.

Особенно поразила Гуськова надпись «мойка». Мыть автохлам перед тем, как пустить под пресс? На хрена? По старой традиции обмывать покойников? Или еще зачем-то?

Получалось, что внутри приемного пункта вопросов не убавилось. Впрочем, когда Гуськов бросил взгляд на техников в чистых синих комбинезонах и добротных фирменных куртках, вопрос «зачем мыть?» отпал сам собой. Да чтоб не замараться, зачем еще?

«Культура труда это называется, – подумалось Гуськову. – Прямо Европа. Растем, что ли?»

В зоне приемки стояли несколько пожилых машин, вокруг которых деловито ходили техники с планшетами в руках. Владелец майор не заметил. Видимо, сдали, получили расчет и отвалили. А быть может, пили чай в конторе, пока техники осматривали сданный владельцами металлолом на колесах. В любом случае, это снова был сервис в том самом, одобрительном смысле слова.

Гуськов вернулся к своим баранам и попытался взглядом отыскать беглеца. Отыскался только один из «топтунов» группы Гуськова. Он стоял на краю зоны приемки и выразительно косился на один из трех проездов между пирамидами готовых к утилизации автомобилей. Гуськов обвел взглядом штабеля ржавых «Жигулей», «Волг» и допотопных иномарок и недоверчиво хмыкнул. Сознательность граждан превзошла все его ожидания. Примерно ту же мысль озвучил Стрельцов, поравнявшись с командиром.

– Вот это да, – негромко сказал капитан. – Не думал, что народ так активно откликнулся на призыв партии и правительства. Или я что-то пропустил и теперь компенсация не полтинник, а пара сотен?

– У меня сосед «Волгу» за полтинник отдал, как раз под занавес программы, – Гуськов пожал плечами. – Может, какая-нибудь корпоративная доплата?

– У французов была, кажется, только не помню у каких.

– Ну вот.

– А может, пресс только недавно поставили. Накопилось.

– Тоже вариант, – Гуськов кивнул.

– А как вам нравится, как тут вообще... все налажено? Просто Европа.

– Тоже об этом подумал. Ладно, ближе к телу. Парус, что там?

Сотрудник с позывным Парус (самое смешное, что это была его настоящая фамилия) ответил мгновенно.

– Объект забился между машинами в дальнем конце зоны складирования, поблизости от пресса, – спокойно, даже флегматично сообщил оперативник. – По-моему, он скоро кончится. За сердце схватился.

– Гуськов с группой ко мне, – вдруг появился в эфире Мазай.

– Наблюдателей... – попытался уточнить майор.

– Наблюдатели на месте. Мы справа, в третьем проезде.

Майор кивком приказал «за мной» Стрельцову и счастливому обладателю фальшивого термобелья старлею Локтеву и направился в «проезд 3», как значилось на трафарете, украшающем асфальт перед въездом в крайнее правое дефиле между штабелями машин.

– Ситуация один! – вдруг спохватился Парус. – Объект снова пришел в движение. Сменил направление. Идет... прямо на меня.

– Разрешите брать? – спросил Гуськов, понятное дело, у Мазая.

– Отставить! Ждать!

– Чего ждать-то, – негромко проронил Стрельцов, – когда он загнется или когда снова уйдет?

– Ситуация... ноль, – растерянно доложил Парус. – Объект... исчез.

– Что? – Гуськов остановился и удивленно взглянул на Стрельцова.

Тот вскинул брови и пожал плечами.

– Объект исчез, – повторил Парус. – Как сквозь землю...

– Наружка, перекрыть ворота! – вдруг повысил голос Мазич. – Группа два – перекрыть выходы на приемную площадку, группа три – заблокировать запасные ворота.

– На территории до десяти гражданских, – сообщил командир второй группы.

– Приказываю считать их заложниками террориста, – без малейшего сомнения в голосе заявил Мазай. – Они заранее считаются жертвами. Если беглец прикроется штатскими, разрешаю уничтожить всех.

– Вот так компот, – едва слышно шепнул Стрельцов. – Что ж так круто? Ядерная бомба у объекта в заднице зашита, что ли?

Гуськов не ответил, даже бровью не повел. Его тоже покорила такая постановка задачи, но послушаться Мазая он все равно не мог. Так что ему оставалось лишь сохранять спокойствие и надеяться, что до такого крутого поворота дело не дойдет.

– Гуськов, ко мне, бегом! – вдруг приказал Мазай. – Один!

И снова майор не выдал своих чувств ничем, хотя внутренне крепко выматерился и в воображении поморщился, будто бы сжевал целиком лимон. Чего майор не любил больше всего на свете, так это заданий не по профилю. А Мазай определенно собирался дать майору какое-то персональное задание. Но что делать? Только подчиняться. Работа есть работа. Нравится не нравится, нагнись, моя красавица.

– Командуй, – бросил Гуськов капитану Стрельцову и потрусил в сторону «проезда 3».

Мазай майор Гуськов видел раза три или четыре, да и то издалека. Пару-тройку раз на Лубянке, а однажды тот приезжал к начальству Гуськова по каким-то делам. И вот только сегодня майору выпала честь лицезреть генерала в рабочей обстановке. Выглядел Мазай именно так, как народ и описывал. Одно имелось отличие – взгляд. Все-таки настолько цепкого, холодного и будто бы пронзающего собеседника насквозь взгляда не может быть ни у какого артиста. Взгляд ведь отражает внутреннее содержание, а оно у генерала Мазича сильно отличалось от творческого наполнения души певца Мазаева. И отличалось явно в худшую сторону. А иначе откуда бы взялся этот недобрый взгляд?

Впрочем, старого оперативника Гуськова никакими грозными взглядами было не напугать. Времена, когда начальства боялись как огня, давно прошли, да и само начальство сменило тактику. Теперь в моде было изображать боевое братство и единство интересов командиров и подчиненных. Вон как Мазай это делал. Но Гуськову-то и раньше было по барабану, хмурится начальник или улыбается. Майор знал себе цену: стоил, сколько стоил, ни больше, ни меньше. Сможете найти лучше – ищите, нет – не взыщите. Теперь и подавно. А все почему? Да потому, что Гуськова совершенно не интересовала карьера. Он предпочитал просто работать, делать, что должен, а там – будь что будет. С такой железобетонной жизненной позицией было тяжело карабкаться по карьерной лестнице, зато и отодвинуть Гуськова с завоеванных рубежей не представлялось возможным. Разве что прилетит какой-нибудь левый орел и устроит поголовную чистку рядов по принципу «меняем всех подряд на своих». Но в это Гуськову верилось слабо. В армии такое было возможно, даже легко, а вот в ФСБ вряд ли. Хотя...

Короче, как бы то ни было, гнущаяся перед Мазаем майор Гуськов не собирался, пусть хоть в сито превратит своим пронзающим взглядом.

Свита у Мазая оказалась колоритная, под стать начальнику. За спиной у генерала маячили три волкодава, казалось бы, средней комплекции и невзрачные, но, судя по спокойствию взглядов, невозмутимости физиономий и «матерости» движений, явно натасканные донельзя. Слева в обнимку с портфелем стояла стройная бабенка лет тридцати. Строго одетая, в безвкусных очках и с черными, как воронье крыло, волосами, постриженными под деловое каре. Фигура вполне, но больше ничего примечательного в ней не было, разве что бросались в глаза чересчур ярко накрашенные губы. Секретарша, что ли? А справа занял место типичный хлыщ, из тех, которые вылизывают начальству задницу настолько чисто, что в тридцать уже ходят в подполковниках. Впрочем, конкретно этот хлыщ пока довольствовался званием майора. Гуськов это знал, хотя все были в штатском. Ведь нынешние звания Гуськову и «правой руке» Мазича присваивали одним приказом. Только Гуськову в тридцать семь (причем повторно), а хлыщу, майору Клименко, в двадцать восемь.

Мазай бросил короткий взгляд на Гуськова и перевел его на хлыща, то есть на майора Клименко.

– По схеме, – проронил Мазай и обернулся к волкодавам: – Проходы контролируйте.

– Майор, – Клименко коротко кивнул Гуськову. – Пойдете с нами.

– И за что такая честь?

Прежде чем ответить, майор Клименко почему-то усмехнулся и неопределенно помахал рукой.

– Пояснения позже, сейчас дело.

– Не вопрос, – буркнул Гуськов.

Мазай сунул руку в карман полупальто, еще раз строго взглянул на Клименко и Гуськова и решительно двинулся в сторону приемной площадки. Майор Клименко вновь подтолкнул Гуськова, как бы предлагая двигаться следом за Мазаем...

...Сам же майор Клименко двинулся замыкающим.

Зачем звали, спрашивается? Гуськов мог встретить их и там, на площадке. А так – бежал сюда, теперь топать обратно. Устроили «воспитательный момент» за опоздание? Как минутами ранее сам Гуськов устроил встряску молодому снайперу? Вполне возможно. Что ж, на каждого ветерана ФСБ, вроде майора Гуськова, всегда найдется ветеран-воспитатель еще времен «Конторы Глубокого Бурения».

Гуськов хмыкнул и тут же беззвучно матюгнулся – под правым ботинком чавкнула грязная снежная каша. Майор поскользнулся и чуть не уселся на пятую точку. Расслабился, задумался и забыл, где находится. Что с головой сегодня, откуда такая рассеянность?

Гуськов вдруг встрепенулся и едва не поскользнулся вновь. Снежная каша? Грязная, скользкая и холодная? Откуда она вдруг взялась? Секунду назад асфальт был абсолютно сухим и чистым.

Майор оглянулся по сторонам и встал как вкопанный. Хорошо, что Клименко успел отреагировать и принял вправо. А иначе он точно врезался бы Гуськову в спину, и они завалились бы, как два обнявшихся голубка, ничком в грязный мокрый снег. Да-да, именно в мокрый снег, которого вокруг было просто море.

Гуськов поморгал, встряхнул головой, но это не помогло. Картина не изменилась.

Серая снежная каша покрывала приемную площадку ровным толстым слоем. Никаких надписей на асфальте майор не смог бы прочитать при всем желании. И машина здесь стояла только одна: до безобразия ржавый «Опель» тысяча девятьсот лохматого года выпуска. Под наблюдением сосредоточенного техника в останках машины ковырялись двое рабочих в синих комбезах. Они как бы пытались снять с немецкого утиля еще хоть что-то ценное, но по большей части курили и травили байки, то есть создавали видимость работы. Оно и понятно – все ценное с этого «Опеля» сняли еще в прошлом веке.

О каком бы то ни было приеме авто вообще не шла речь. Ворота были заперты изнутри на здоровенный амбарный замок. И на площадке перед мойкой было практически пусто. Стояли только два поросенка-«жигуленка», забрызганные грязным мокрым снегом до самых крыш. Гонки по территории им устроили напоследок, что ли? Так или иначе, но мыть их никто не спешил. Гуськов удивленно хмыкнул.

То есть майор находился вроде бы все на той же автосвалке, но... Нет, явно на другой! Не будь тут по щиколотку грязного снега, отличия, может, и не бросились бы в глаза, а так... сто процентов это был другой пункт утилизации.

Как такое возможно? Как можно попасть куда-то в совершенно другое место, сделав всего один шаг? Гуськов невольно пожал плечами. Ну как-как? Вот как-то так. Виртуально. Словно астронавты. Шагнули с трапа спускаемого аппарата, который по всем законам является территорией Земли, и пожалуйста, уже на Луне. «Маленький шаг человека, большой шаг человечества» – и все такое. Сравнение, конечно, подобралось не самое удачное, но ничего другого в голову Гуськову почему-то не пришло.

Майор обернулся и бросил взгляд на пирамиды автомобильного старья. Их по-прежнему было четыре, по пять-шесть машин в высоту каждая, и пресс в дальнем углу складской зоны имелся. Все, как было минуту назад. Только теперь все это ржавое «великолепие» покрывал толстый слой тусклого мокрого снега. Как же он мог выпасть за минуту? Да еще так ловко, что этого не заметил Гуськов? Опять виртуально?

«Может, задремал на ходу? – растерянно озираясь, подумал Гуськов. – Вырубился и не заметил, что в это время прошел короткий, но обильный снегопад?»

Майор покосился на свою одежду. Куртка была сухой, ни одной снежинки или капли на нее не упало. А на пирамиды с автохламом упало. Да еще толстым слоем. Мистика какая-то!

Опять же изменения на площадке. Было несколько машин, осталась одна. Куда делись остальные? Ушли под пресс, пока Гуськов «зависал»?

«Но нет же! Куртка-то сухая! И «жигуленки», которые стоят перед мойкой, все в грязи по уши. Значит, гоняли тут, будто очумелые. От такого шума я точно очнулся бы. Даже если б заснул на ходу. Нет, ну точно мистика!»

Гуськов собрался было вновь обернуться, но в этот момент его взгляд невольно скользнул выше забора, и майор уловил еще одну странность. Пожалуй, самую поразительную.

В низкой снеговой облачности вдруг образовалась большая прореха, через которую Гуськов увидел небо. Странное небо, удивительное, почти нереальное. Майор за свою жизнь видел множество закатов и рассветов, когда небо окрашивалось в самые разные оттенки – от красного, оранжевого, желтого... и до фиолетового. Он видел внушительные, грандиозные

картины, которые рисовали в закатном или рассветном небе облака, тучи и грозовые фронты у горизонта. Он видел даже такое невероятное, казалось бы, явление, как дневные звезды: было дело, когда ездил в командировку в горы. Даже северное сияние видел однажды, полярной ночью в Салехарде. Но такого фокуса Гуськов не наблюдал еще ни разу в жизни.

Небо имело не только какой-то странный, нехарактерный для зимы ультрамариновый оттенок, оно еще будто бы было покрыто тончайшей штриховкой. Казалось, что его исцарапали, причем «царапины», размашистые, длинные, полупрозрачные, едва заметно переливались всеми цветами радуги. Они словно отражали разноцветье того, что лежит под странным небом: пестроту потоков машин, сполохи огней и цветную мешанину одежды пешеходов. Гуськов попытался подобрать более точное определение для того, что увидел, «радужные царапины» звучало не очень. И такое определение повисло у него на кончике языка, но снять его Гуськову так и не удалось.

Нестыковки на земле и странности в небе настолько поразили Гуськова, что майор на время забыл, кто он, где очутился и зачем сюда явился. Впрочем, очень скоро Гуськов встряхнулся, заставил себя оторваться от созерцания удивительного неба и встретился взглядом с Клименко. Майор смотрел на оперативника с нескрываемой иронией.

– Что за... – Гуськов осекся.

– Вопросы позже, – напомнил Клименко.

– Это я помню, но...

Гуськов снова поднял взгляд к небу, теперь, чтобы указать майору Клименко на загадочное явление, но прореха в облаках уже затянулась. На тусклых снеговых тучах никаких «разноцветных царапин» и «отражений» не обнаружилось.

«Ну, хотя бы теперь ясно, откуда взялся мокрый снег, – подумалось Гуськову. – Как он умудрился резко выпасть и не задеть меня, все равно остается загадкой, но хотя бы так... Одной чертовщинкой меньше».

– Гуськов, шагай, – вновь усмехнувшись, сказал майор Клименко. – Ганнибал у ворот.

– Кто? – Гуськов обернулся и увидел, что лысый беглец действительно почти доковылял до ворот автосвалки.

Хотя майору почему-то подумалось, что Клименко имел в виду не этот конкретный факт, а нечто иное. Более масштабное. Как-то по-особенному он произнес последнюю фразу. Будто бы намекал на что-то.

– Гр-гражданин Барулин! – вдруг грозно рявкнул Мазай.

Беглец вздрогнул, споткнулся, но удержался на ногах. Остановившись, он втянул голову в плечи, медленно обернулся и бросил затравленный взгляд на приближающихся офицеров ФСБ.

– Стойте на месте, гражданин Барулин! – вновь крикнул Мазай. – Ворота закрыты!

Беглец развернулся к воротам спиной, набычился и уставился на офицеров исподлобья. Почему-то Гуськову он напомнил хоккейного вратаря. Еще пуховик добавлял объема. Ключку ему, маску да ловушку – и был бы вылитый голкипер. Только руки у него болтались неспортивно, словно отсохли.

– Оружие к бою, – проронил Клименко, определенно обращаясь к Гуськову.

– Но клиент не вооружен, руки на виду... – Гуськов замялся.

– Делай, что говорят, – тихо рыкнул Клименко и сунул руку за пазуху.

– Только не ныряйте снова, гражданин Барулин! – продолжил Мазай гипнотизировать беглеца. – Там вас ждут наши сотрудники. У них приказ стрелять на поражение, если вы появитесь без нас. Вы слышите меня?

Беглец ничего не ответил. Он лишь тяжело вздохнул, затем поморщился, кивнул и выпрямился. Насколько Гуськов разбирался в типовой мимике, жестах и телодвижениях, беглеца сейчас одолевал сложный комплекс переживаний. Он понимал, что загнан в угол –

вздых, он чувствовал досаду из-за проигранной партии, отчего и морщился, он был готов сдаться – кивок, но при этом он гордо выпрямился, и это телодвижение перечеркивало все предыдущие внешние признаки желания покориться судьбе.

Гуськова серьезно насторожило такое поведение беглеца, и он все-таки выполнил приказ Клименко, достал пистолет и щелкнул предохранителем. Правда, руку он опустил вдоль бедра.

Гуськов по-прежнему не видел необходимости целиться в беглеца. Не голливудский боевик небось снимается. Ни к чему этот киношный ажиотаж с наставленными пистолетами, криками «замри!» и прочей мишурой. Нормальным людям достаточно увидеть «корочки», ну максимум заметить, что ты вооружен, и они обмякают. Этот гражданин Барулин никак не тянул на матерого террориста или бывшего спецназовца, значит, кишка у него теоретически тонка. Хотя теория теорией, а на практике случается всякое.

Клименко вдруг молниеносно высвободил из-за пазухи руку с пистолетом и выстрелил в беглеца. Нет, не так. Он натурально открыл беглый огонь, поскольку за считанные секунды его «Гюрза» выплюнула в сторону ворот почти весь свой свинцовый «яд». Вот только ни в какого беглеца Клименко не попал, хотя палил с двадцати метров. А все потому, что беглец исчез. Вот только что стоял в рамке ворот и вдруг словно растворился.

Гуськов примерно три секунды тупо пялился на изрешеченные ворота, затем на следы в снежной каше, которые оставил гражданин Барулин, на закрытую дверь конторы слева от ворот, а потом снова поднял взгляд к небу. Нет, не потому, что надеялся разглядеть инверсионный след, который оставил гражданин Барулин, так ловко и бесследно стартовавший с импровизированного лобного места. Просто до последнего момента самой большой странностью выглядело местное (уж бог знает что это за место) небо, и вот теперь в чарте странностей его потеснил новый фокус. Хотя не такой уж и новый. Скорее всего, Парус в эфире и сообщал о чем-то подобном.

«Ситуация ноль. Объект исчез».

– Не спать, – недовольным тоном приказал Мазай и коротким жестом позвал офицеров за собой.

Направился генерал к воротам, хотя не хуже Гуськова видел, что в этом нет необходимости. Разве что следы изучить. Но что с них толку?

Майор Гуськов замешкался буквально на секунду, но Клименко, видимо, воспринял паузу как попытку саботажа и бесцеремонно схватил Гуськова за локоть. Оперативник попытался отмахнуться от ретивого управленца, но не тут-то было. Клименко словно ждал, что майор взбрыкнет, и потому вовремя усилил хватку.

– Не дергайся, Алексей Борисович, – прошипел Клименко. – Хочешь остаться здесь? Без проблем. Только останешься навсегда.

– Руку отпусти, – спокойно сказал Гуськов. – Нигде я не хочу оставаться. Отпусти руку, непонятно сказано?

– Шагай, – Клименко отпустил локоть майора и кивком указал на ворота.

Между прочим, ворота были по-прежнему закрыты, на них все так же висел амбарный замок, но перед ними вновь не хватало существенной детали. На этот раз для полноты картины не хватало генерала Мазича. Просто какой-то бермудский треугольник образовался в местном море снежной каши.

Честно говоря, попасть в невидимый и, что еще страшнее, непонятный «треугольник» майору не улыбалось, но Клименко шел рядом, поэтому майору пришлось отбросить все сомнения и шагнуть в неизвестность.

Как все случилось, Гуськов снова не понял. Клименко легонько толкнул майора под локоть, будто бы предупреждая о чем-то, Гуськов сделал очередной шаг и...

...Майор вдруг ощутил, что под ногами не грязный мокрый снег, а чистый сухой асфальт. Гуськов резко опустил, а затем вновь поднял взгляд. Асфальт был сухим и чистым, а прямо перед собой майор увидел наполовину открытые ворота. И слева, за панельно-щитовой конторой, на площадке перед мойкой стояли не два, а четыре «жигуленка», все чистые, как младенцы после ванночки. И справа, на краю поля зрения, аккуратные штабеля машин не были покрыты ни снегом, ни хотя бы каплями талой воды. А над головой...

Гуськов даже выдохнул резче, чем требовалось. Над головой было нормальное голубое небо: застиранное, блеклое, декабрьское. Без всякой там разноцветной штриховки, отдаленно напоминающей северное сияние, и почти без облаков. Разве что далеко у горизонта.

«Похоже, вернулись, – подумалось Гуськову. – Откуда – непонятно, но вернулись. И слава богу!»

– Гражданин Барулин, последнее предупреждение! – вновь послышался голос Мазая. – Стойте на месте!

Выяснилось, что беглец вовсе не уходил ракетой в радужный зенит того странного местечка, из которого вернулись Мазай и подчиненные, а тоже вернулся в нормальный мир... или куда там... в реальность? Короче, не важно. Гражданин Барулин вернулся Сюда на пять секунд раньше Мазая и примерно на десять опередил майоров. Гуськов опять видел его потную лысину и сутулую спину. Отлично понимая, что шансов нет, упрямый беглец все-таки предпринял новую попытку уйти от преследования.

Даже когда из «Форда» выпрыгнули Геша и снайпер, упрямый Барулин не остановился. Протопал на деревянных от усталости ногах мимо них по дороге, будто бы не замечая оперативников.

И Мазай снова не отдал приказа. Он упорно придерживался какой-то непонятной Гуськову схемы.

«Хотя почему непонятной? – майора вдруг осенило. – Он не хочет поднимать шум Здесь! Он хочет взять беглеца Там, на снегу под странным небом. Почему? Это уже другой вопрос. Но схема понятна, как устройство велосипеда. И понял ее не только я. Беглец тоже все понял, потому и прет напролом. Этот Барулин теперь ни за что не «нырнет», как выразился Мазай. Уж не знаю, почему Мазай не хочет просто спеленать этого клиента, как младенца, – заразный он, что ли? – но если генерал решит дожидаться, когда Барулин «нырнет», то будет ждать этого до конца света».

На этот раз мысли Гуськова, видимо, совпали с опасениями самого Мазая. Он еще с минуту стоял перед воротами, о чем-то напряженно размышляя, а затем дал отмашку кому-то за периметром пункта утилизации.

Этим «кем-то» оказался снайпер. Парень тут же прижался к «Форду», пристроил левый локоть на боковое зеркальце заднего вида и прицелился. Беглец успел уйти метров на двести, но что такое двести метров для снайпера с «Винторезом»? Жестокая, но все равно детская игра. Снайпер плавно выбрал мизерную слабинку спускового крючка и выстрелил Барулину вслед.

То есть Гуськов так надеялся, что пуля продырявит лишь воображаемый «инверсионный след», который останется за мгновенно исчезнувшим Барулиным. Но на этот раз странного чуда не произошло.

Еле слышно хлопнул выстрел, затем донесся глухой звук удара и довольно отчетливое противное чавканье. Девятимиллиметровая пуля просверлила в затылке у гражданина Барулина аккуратную дырочку и вынесла ему значительную часть мозга через развороченную глазницу.

Беглец дернулся и рухнул ничком на холодный асфальт. Темная кровь стремительно растеклась большой лужей вокруг тела беглеца.

Тут же загудел электромотор привода ворот, которые и заслонили страшную картину от взглядов персонала приемного пункта. Мазай с офицерами едва успели покинуть территорию. Остальным оперативникам пришлось спешно выходить через вахту.

Слева место происшествия быстренько оцепили сотрудники из третьей группы, но и ребята из группы Гуськова тоже не подкачали. Геша быстро развернул машину и подогнал «Форд» вплотную к телу беглеца, загоразживая видимость любознательным дальнобойщикам, которые уже повисли на заборе соседнего складского комплекса, а Стрельцов, Локтев и остальные организовали нечто вроде блокпоста на дальнем перекрестке.

Чуть позже, правда, нервишки у капитана сдали, и он все-таки вернулся к Гуськову, но Локтев и ребята справлялись и без него, так что майор помощника не прогнал. Даже наоборот, обрадовался его появлению. Хоть кто-то из своих оказался рядом в трудную минуту!

Нет, речь не о моральных трудностях. Гуськов не переживал по поводу расправы (а фактически это были чистой воды произвол и расправа) над странным гражданином Барулиным. Да, чисто по-человечески беглеца было жаль, но много ли знал Гуськов о нем и его делах? Быть может, этот нелепый лысый дядька давно натворил на три пожизненных или был предателем, выдавшим нашу агентурную сеть за бугром, и секретная лицензия на его отстрел была выписана самим Директором, а то и вовсе Президентом. Всякое бывает, когда речь идет о безопасности страны. И у нас такое практикуется, и за бугром. Иногда приходится действовать на грани преступления, иногда за гранью, но ведь всех ситуаций в законах не учтешь.

И вообще, это были дела крупнорогатого начальства. Не по этому поводу беспокоился и искал поддержки Гуськов. Его напрягал другой момент: факт того, что он вот только что побывал хрен знает где и это не сон, не бред и не стереокино.

Стрельцову, конечно, эти подробности знать не полагалось, так что делиться с ним впечатлениями майор не собирался. Во всяком случае, не сейчас. Но от капитана и не требовалось вникать и понимать, от него требовалось просто поддержать, одним своим присутствием. А то среди волкодавов Мазая Гуськов чувствовал себя дворовой шавкой. Тоже крупной и смелой, но беззубой и одинокой.

Стрельцов словно почувствовал, что командира надо, условно говоря, прикрыть с тыла, и занял позицию справа и чуть позади. Без лишних расспросов. Гуськову этот вариант и требовался. Таким тандемом они и приблизились к группе Мазая.

Генерал тем временем успел отдать несколько распоряжений, похлопал по плечу снайпера и принял пару бодрых рапортов. Последний от Клименко.

– «Скорая» будет через пять минут, – доложил майор.

– Наша? – уточнил Мазай.

– Так точно.

– Проследи, чтобы все убрали. А то наследил тут гражданин Барулин.

– Да уж, пораскинул мозгами, – Клименко неприятно усмехнулся.

– Значит, так. – Мазай достал из кармана пальто небольшой электронный планшет, открыл одно из окошек и развернул на весь экран короткий список из фамилий, имен, отчеств. К каждому пункту списка имелись еще какие-то примечания мелким шрифтом. – Этого вычеркиваем... хорошо... минус восемь. Смотрим, кто остался.

Клименко вдруг как-то ненатурально откашлялся, и Мазай оторвал взгляд от планшета. Скользя по окружающим, он уставился на Гуськова. Смотрел Мазай не отрываясь секунд пять, потом почему-то ухмыльнулся и кивком предложил майору подойти ближе.

Гуськов подошел. Стрельцов попытался вновь составить командиру компанию, но капитана оттер Клименко. Ненавязчиво, но ловко.

Гуськову вновь стало не по себе. Определенно генерал Мазич так и не расстался с мыслью использовать майора отдельно от его оперативной группы. Или того хуже – в составе своей свиты. В связи с чем на голову ему свалилось такое «счастье», майору оставалось лишь догадываться.

– Видишь, Гуськов, как надо работать? – Мазай слегка повернул планшет, показывая майору список.

Теперь майор мог прочитать фамилии. Ни одна не зацепила. Если какие-то из этих фамилий и фигурировали в оперативных разработках, то не по линии Гуськова. Ему вообще была знакома лишь одна фамилия: Барулин. Фигурант списка под номером восемь. И теперь напротив стояла жирная галочка, такая же, как напротив еще семи имен на разных строках списка.

– Так точно, вижу, – нейтральным тоном ответил Гуськов.

– Сработали не очень чисто... – Мазай поморщился, – но это дело поправимое. «Скорая» подчистит. Что еще видишь, Гуськов?

– Остались четверо.

– Остались четверо, – Мазай кивнул. – Вот эти установлены, информация проверена, надо только взять субчиков теплыми. С четвертым сложнее, но это не проблема. Одиннадцатый в списке – это резидент. Возьмем его – возьмем и остальных, даже этого четвертого.

– Можно было взять сразу резидента, и тогда взяли бы остальных, – спокойно заметил Гуськов и взглядом указал на труп. – Без этих вот сложностей.

Мазай на миг нахмурился, но потом усмехнулся.

– Не учи отца, Гуськов, детей строгать. Ты до сих пор не понял, что взять навигатора – это тебе не два пальца об асфальт? Это почти искусство.

– Кого взять?

– Навигатора.

– Навигатора? – Гуськов посмотрел на генерала с недоумением. – В каком смысле?

– Считаю, что это конспиративный термин. На самом деле навигаторы – это члены террористического подполья. Так тебе понятнее?

– Странные террористы какие-то, ни одного кавказца.

– Въедливый, – Мазай взглянул на Клименко и вновь усмехнулся. – Ладно, Гуськов, тебе поясню. В виде исключения. Все не кавказцы, но что тут удивительного? Ты разве не в курсе, что в Москве в последнее время террористами вербуются люди некавказских национальностей? Эту информацию что, только до Центрального аппарата довели?

– Нам тоже доводили, – Гуськов кивнул и еще раз бросил взгляд на список.

Мазай вдруг вручил майору планшет и жестом предложил ознакомиться со списком более подробно.

Гуськов скользнул взглядом по фамилиям и кличкам обезвреженных агентов и задержался на оставшихся: Водорезов Владимир Михайлович (Водолей), Горбатов Павел Иванович (Телец), Михайлова Юлия Сергеевна (Дева), Неизвестный (Козерог). Адреса и личные данные, марки машин и госномера, короткие списки близких личных контактов. По Водорезову информация оказалась самой полной, а по Козерогу не было почти ничего, кроме клички и предполагаемого места проживания – Москва, ЮЗАО.

– Павел Глоба, – проронил Гуськов, возвращая планшет Мазаяу.

– Что? – генерал удивленно вскинул брови и недоверчиво взглянул на Гуськова.

– Неизвестный, наверное, астролог Глоба. Это он всем агентам клички придумал.

– Шутишь, это хорошо, – Мазай вдруг заледенил взгляд. – Нет, это я придумал, для оперативных разработок. А идею Водорезов подкинул. Он в блогах Водолеем подписывается.

– Он резидент?

– Верно, соображаешь, – Мазай слегка расслабился. – Раз главарь – знак Зодиака, а в шайке двенадцать бандитов, то и остальных логично в честь знаков назвать. Нет?

– Логично, – согласился Гуськов и коротко кивнул. – А мне все это зачем знать?

– С нами будешь работать, – Мазай смерил Гуськова изучающим взглядом. – Приказ о переводе уже подписан. Есть возражения?

Гуськов едва сдержал вздох. Мазай преподнес неожиданный перевод майора в ведение Центрального аппарата как милость божью, но для Гуськова-то это было сродни наказанию. Сбывались его самые худшие прогнозы. Сегодня вообще сбывалось все, о чем бы Гуськов ни подумал.

«Уволиться к эбеновой матери и в астрологи пойти, что ли? Ну на хрена им именно я? И ухмыляются еще... что Мазай, что левретка его брюнетистая, что волкодавы с Клименко. Ой, не к добру все это».

– Возражений нет, – стараясь не выдать эмоции, ответил Гуськов.

– Тогда слушай боевую задачу, Гуськов. Займешься Водорезовым, как ты это умеешь, понимаешь меня? Будешь пасти его, как божью корову, и глаз не спускать, куда бы он ни делся. Понимаешь, о чем я говорю?

Мазай указал большим пальцем за спину, на ворота приемного пункта.

– Пока слабо, – признался Гуськов.

– Поймешь по ходу пьесы. Клименко поможет. А когда дам отмашку, возьмешь его теплым. Или холодным. Как получится. Из группы своей ребят подключи, на них тоже приказ имеется. И вообще, подключай, кого считаешь нужным. Короче, ты специалист, тебе и карты в руки.

«Это ж надо, какое чудо! – подумал Гуськов. – Центральный аппарат отпускает вожжи! С чего вдруг? Особый случай? Какой, интересно было бы узнать? Совершенно секретный шухер или банальная подстава? Что-то мне подсказывает, что скорее второе, чем первое».

– Сколько можно взять ребят?

– Да хоть всех, – расщедрился Мазай. – Только снайпера заберу. Ордера и стыковые документы для кооперации с полицией у Клименко. Он будет отвечать за все связи. Понятно?

«В том числе за связь с начальством... в режиме стука. Известная схема».

– Есть, понял, – буркнул майор. – Разрешите приступить?

– Действуй, майор. – Мазай кивком указал на Клименко. – У него же все данные по объекту. Еще вопросы?

– Никак нет.

– Тогда вперед, Гуськов, не теряй время. Свободен!

Свободен так свободен. Гуськов никогда не возражал против свободы. Вот только сейчас он чувствовал себя не освобожденным, а наоборот, проданным в рабство. Более того, проданным язычникам, которые практикуют человеческие жертвоприношения, а выражаясь современным языком – жесткие подставы. Гуськов не мог внятно объяснить, почему его вдруг охватило такое чувство, но отсутствие объяснений не мешало ему ощущать себя полным попаданцем, разменной фигурой, от которой уготованную ей участь даже и не сильно скрывают.

«Вот тебе и закат карьеры. Попал так попал! Всякое мог представить. Что уволят ни за хрен собачий, что пулю словлю от «чеха» в горах или сопьюсь от нервов. Но чтобы меня вот так нагло подставили... Нет, я понимаю, пока ничего не ясно. Может, накручиваю. Но очень уж плохо вся эта история пахнет. Просто воняет! А это не есть хорошо, это первый признак грязной игры. И ведь не соскочишь никак, даже рапорт об отставке не поможет. Пока его рассмотрят, пока замену подберут, будь добр – дослужи пару месяцев как минимум. Все хитро продумано, все учтено. Вляпался! И ведь не понять, во что вляпался, это самое противное. В мистику какую-то!»